

рабан» Маяковского («Наш марш», 1918) К. отвечает: «Наш / Марш — / Тишь». Он еще надеется не только выйти из кризиса, но и гармонически согласовать два начала, живущих в его душе: «Есть у меня и родина Кубань, / Есть и отчизна вздыбленная Русь»; «Полумесяц и Крест, / Две молитвы, / Два Сердца, / (Только мне — никому не дано)! / В моей душе христианского иноверца / Два Солнца, / А в небе одно». Поэт «с мечом на бедре и с крестом на груди» пытается примирить христианство с мусульманством, соединяя Евангелие и Коран в самом названии поэмы: «Коевангелиеран». «Здесь полумесяц объемлет крест подобно тому, как объемлет кресты многих старинных московских церквей» (Григорьев С.— С. 26). Мечта поэта оказалась несбыточной.

В 1921 по командировке Наркомпроса и при поддержке А. В. Луначарского К. был направлен в Берлин для работы в газ. «Накануне» с целью установления контактов эмигрировавшей интеллигенции с Советской Россией. С 1925 жил в Париже. Присылаемые им письма дышали острой тоской по родине. После гибели Есенина, в 1926, К. совсем отходит от лит. деятельности, и из дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. В СССР не переиздавался до 1987, когда его знаменитые «Бубенцы» и «Обидно, досадно...» были включены в сб. «В Политехническом „Вечер новой поэзии“».

Соч.: Поэма поэм. [Б. м.], 1920; В никуда. 3-е изд. Берлин, 1922; Птица безымянная: Избранные стихи. 1917–1921. Берлин, 1922; Аль-Баррак: Октябрьские поэмы. 2-е изд., доп. Берлин; М., 1923; Рябка. Берлин, [1923]; «Птица безымянная» и из книги стихов «В никуда» // Новый ж. СПб. 1995. № 1.

Лит.: Шершеневич В. Кому я жму руку. [М.], [1920]; Абрамович Н. Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич. [М.], [1921]; Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета; Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. [М.], [1921]; Ивнев Р. Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича. [М.], [1921]; Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образности: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич. [М.], 1921; Савченко Т. Я ушел, чтобы снова возвратиться... // Дон. 1990. № 7. С. 168–170; Филиппов Г. Возвращение безымянной птицы // Новый ж. СПб. 1995. № 1. С. 76–78.

Г. В. Филиппов

КУТИЛОВ Аркадий (настоящее имя Адий) Павлович [30.5.1940, д. Рысьи Иркутской обл.— лето 1985, Омск, точное место захоронения неизвестно] — поэт, прозаик.

В основе фамилии писателя лежат древнерусские прозвища «кутила», «кутько», связанные с глаголом «кутить», который в применении к человеку означал «мотыжничать, пьянствовать, жить очертя голову, отчаянно проказить, пить, буянить» (Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997. С. 455). «Кутила» в словаре Даля означает «отчаянный пьяница, буян, развратник». Для К. это стало своеобразным приговором, так как мотив мятежа, хаоса и разгула прошел через всю его жизнь, оставляя от нее одно пепелище. Родители назвали своего младшего сына редким именем Адий, но К. позже выбрал для творческого псевдонима схожее имя Аркадий. Иркутский период жизни семьи был недолгим. Вскоре после войны мать К., похоронив мужа, вернулась с двумя сыновьями на свою родину в село Бражниково Колосовского р-на Омской обл., где и прошли детство и юность К.

По своему собственному признанию, писать стихи К. начал «поздно», лет с 17. До того момента начинающий поэт всерьез увлекался живописью. Начинал К. с «таежной лирики». В ней главенствуют яркие и запоминающиеся образы «первопечатлений» (недаром название «Первоцвет» встречается у К. в ранних рукописных сб.): «Над рекой стоят, как свечки, / две сосны и десять пихт... / Отраженья в синей речке / передразнивает их» («Двенадцать»); «рубиновыми гроздьями боярка / кричит из голубого сосняка» («Боярка»). Здесь «одушевленное и неодушевленное причудливо и гармонично сочетаются» (Великосельский Г.— С. 7): «Имена, как цветы на полянке ... / В темных чащах — таинственный фет, / на озерах — кувшинки-бианки. <...> Иван-чай, паустовский да мак / Подорожник, ромашка да пришвин» («Книга Жизни — мой цвет-первоцвет!»).

В ранней лирике так же выделяется охотничья тема, правда, целиком рожденная воображением автора и навеянная рассказами односельчан («Освистали рябчики весной / громовой дебют моей двустволки»), к тому же призывающая «не убий!»: «Ружье отгремело, / остыли стволы... / Подранок нелепо / рисует углы...» («И тихонько сижу...»)

В начале 1960-х К. проходил армейскую службу в Смоленске и вошел там в лит. круг: сблизился с местным лит. объединением, участвовал в семинаре молодых писателей, заслужил высокую оценку А. Т. Твардовского. К. сделался чрезвычайно популярным в лит. и читательских кругах города, его стихи охотно печатали областные и армейские газ.; он стал автором гимна Смоленска. Будущее

совсем еще молодого стихотворца обещало сложиться весьма куда более благополучно, но происходит событие, перевернувшее всю его последующую жизнь. К. и еще пятеро солдат отравляются антифризом, в живых остается он один. Его демобилизуют из армии в тяжелом депрессивном состоянии. Он возвращается в родную деревню, но уже совершенно другим человеком — с неизбывным чувством вины за то, что остался в живых. Твардовский пытался разыскать «удивительно талантливого солдатака», но в воинской части его известили о смерти К.

После тяжелой душевной травмы, продолжавшейся около года («потеряв интерес ко всему, я жил в деревне, считая, что жизнь прошла мимо; самое яркое событие того времени — это момент, когда я впервые серьезно оценил водку» — из автобиографических набросков), К. с головой ушел в творчество. В 1965 стихи К. впервые появились в омской печати в газ. «Молодой сибиряк». Вскоре на смену «таежной» лирике приходит любовная. Для нее поэтом найдены собственные интонации — простодушные, родные и пронзительно-ласковые: «Кем-то в жизнь ты неласково брошена... / Безотцовщиной звали в селе... / Откопал я тебя, как картошину, / в чуть прохладной сибирской земле. / Я впустил тебя в душу погреться, / но любовь залетела вослед... / И теперь на тебя насмотреться / не смогу и за тысячу лет» («**Ты**»). В дальнейшем эта тема зазвучит жестко и нервно, порашая тембральностью охвата: «Июль прошел, и в самом деле / Мы стали сами не свои... / Отгрохотали, отгудели, / Отвыли наши соловьи» («**В объятье снов — пустых и страшных**»), «А в заливе души все куда-то плывет, / все куда-то плывет недобитая утка» («**Подранок**»). Именно тогда о поэте заговорили всерьез: прочили блестящее будущее, многократно переписанные стихи, как свидетельствует Г. Великосельский, начали ходить по рукам едва ли не по всей Сибири.

После смерти матери в 1967 К. с молодой женой и сыном уезжает на родину своего отца в Иркутскую обл., где когда-то он родился. В течение года К. работает в одной из районных газ., много ездит, изучает быт и нравы таежной деревни. Здесь его «таежная лирика» обогащается новыми красками. К. начинает писать прозу. Впервые появляются наброски цикла «**Рассказы колхозника Барабанова**» и его первый рассказ «**Как выбирали председателя**». Рассказ написан практически с „натуры“ — К. пришлось провести не один день в Омской психиатрической

больнице. «Рассказ „Как выбирали председателя“ о выборах совета самоуправления из состава пациентов психбольницы звучал тогда очень забавно, а потом все оказалось похожим на заседания Думы. Впрочем, существование советов самоуправления в столь специфических здравницах — отнюдь не выдумка Кутилова», — вспоминал врач-психиатр А. Дерюшев (Дерюшев А.— С. 6).

Некоторое время он ведет кочевой образ жизни сельского журналиста, работает в целом ряде районных газ., нигде подолгу не задерживаясь. В конце 1960-х, расставшись с семьей, потеряв дом, работу, брата, К. переезжает в Омск, где начался период бродяжничества, который длился 17 лет и закончился трагической гибелью. Омские газ. перестают печатать его произведения. Стихи К. объявляют антисоветскими: «Один на льдине, / злой, небритый, / совсем раздетый / и босой... / Пред ним / разбитое корыто — / Судьба, / разбитая грозой... / Он жил да был / в порту Динь-Дине, / любимый всеми — / и никем... / И вот — один, / один на льдине, / комично-страшный / манекен. / Один на льдине, / Безоружный, / лишь матерком / заряжен рот... / Один на льдине, / всем не нужный... / и смерть / такого не берет...» («**Один на льдине**»).

«Таежную» и «любовную» лирику вытесняет новая поэзия, с сатирическими, беспощадно-разоблачительными интонациями: «Жует, сопит и топчется, / сморкается в кулак... / Толпа — еще не общество, / хоть над толпою флаг». В стихах этого периода К. обращается к осмыслению социальной психологии тоталитарного общества на историческом примере «сталинской» эпохи: «— Яма хорошая, / Только / на дно / набежала лужина... / — Товарищ майор, / но ведь это / не наша вина — / апрелева!.. / — Ну, хорошо... / Давайте ужинать, / да надо / людей расстреливать...» («**Россия, год 37**»).

Вскоре К. стали привлекать к ответственности за бродяжничество, подвергать арестам. Но именно в эти годы К. творил «запойно», почти круглосуточно, им были созданы тысячи стихов: «Край подушки слезами захлюстан, / в злобе тягостной щерится рот, / на душе по-осеннему пусто, / только север танцует фокстрот... / Но! — слезятся барачные стены!.. / Но! — сугробы страдают от ран!.. / Ручейки, будто вскрытые вены / голубых чистокровных дворян. / Но! — свистит на заборе пичужка!.. / Но! — сосульки звенят допоздна!.. / У конвойного — / морда в веснушках... / Значит, там, / на свободе, / весна!» («**Плен**»).

Период 1971–73 — творческий пик К. В «нервных узлах» поэзии К. сталкиваются по-газетному злободневные и «вечные» темы: искусство и мещанство, экология и философия, история и музыка, политика и физика («**Дураки**», «**XX век**», «**Гойя**», «**1812**», «**Пять уроков**» и др.): «СБЕГАЙЯ с кистей на рогожу, / кармин, ОЖИВАИЯ, цвети!.. / О муза, о страстная, боже / ПОДАИЯ мне силы в пути!..» («Гойя»). Ни в одной из них поэт не поступает искренностью своей позиции («**Всем идолам души моей амнистия!** / Шурйте, держиморды, на покой!.. / Фонарик моего свободомыслия / включился достооевскою рукой»), которая не вписывается ни в какие общественные и официальные регламенты, публицистична и лирична одновременно: «**Прямой, как шпага, Гамлет белокурый / в толпу себя вонзил по рукоять**» («**Блеснул прожектор... Женщины, как куры...**»). Именно в этот период появляется первая запись в его записной книжке, многие из которых были впоследствии утеряны. Сохранились и фрагментарно опубликованы записи, сделанные К. с 1972 по 1985. В 1972 К. пишет: «Мне трудно быть искренним даже наедине с собой. Где-то между юностью и зрелостью, начитавшись остроумных книг, насмотревшись современных фильмов, где диалог идет всегда под высоким напряжением, где-то в той поре, когда надо выбрать между жизнью и существованием, я добровольно взял на себя крест вечно остроумного человека. Ирония — привилегия сильных людей, но трудно быть ироничным постоянно».

В этот «золотой» период созданы поэмы «**Вечная тема**» и «**Встречный**». В последней поэт зло иронизирует над кампаниями социалистической эпохи (комсомольские стройки), выявляя их страшную изнанку: «Тоске душевной нет причины, / взвивай знамена и костры!.. / Вас ждут таежные пучины! / Вас ждут почти антимирь! <...> А на другом унылом бреге / трудились „зэки“, „зэки“, „зэки“...» Понятно, почему редкие публикации стихов К. становятся возможны только под псевдонимами. Особенностью этого периода является большое количество конфискованных властями, утраченных произведений.

Стихи К. приобретают особенную выразительность («**Пьяная эпоха / совесть позабыла, / мнит себя в граните, / в треске кумача. / Монумент с секирой, / монумент с кобылой, / монумент в шинели / с чертова плеча**» — «**Монументы**»), а поведение вызывающим. Он устраивает эпатажные «выставки» рисунков и картин на тротуарах в центре Омска, исписывает своими стихами паспорт,

а в конце 1970-х, в самый пик брежневской эпохи, выходит на центральную улицу, повесив на грудь портрет генсека, вставленный в сидение для унитаза.

Наряду со стихами К. писал и прозу, но мн. прозаические произведения утрачены. Сохранился прозаический цикл «**Рассказы колхозника Барабанова**» (1969–70; впервые частично опубликован в 1997 в альм. «Иртыш»), его герой — фронтовик, инвалид на протезах — делится своим жизненным опытом («**Про окопы**», «**Как ловить тайменя**»). Барабанов, получив имя Аввакум, вновь появляется в написанной К. в 1971 в заключении повести «**Соринка**», как и автор, в роли ээка (за ворованные тюльпаны). Здесь герой проходит нравственные испытания тюремным бытом. В следующем цикле рассказов Барабанов превращается в бомжа.

За несколько месяцев до гибели К. власти стали откровенно угрожать поэту расправой. Последняя запись в его книжке выглядит так: «**Всю зиму я существовал в психобольнице на правах „сына полка“.** <...> Смычком любви я играю на гусях прохладный вальс „Устал я жить“. <...> Предстоящий всем нам Страшный суд — это не более чем расширенный открытый военно-полевой трибунал». Летом 1985 труп К. был обнаружен в одном из центральных скверов Омска. Смерть наступила в результате невыясненных обстоятельств.

Спустя 5 лет после смерти поэта в Омском книжном изд-ве вышел его первый сб. стихов «**Провинциальная пристань**». Благодаря усилиям омского журналиста, близкого друга К. и хранителя его архивов (около тысячи названий) Г. Великосельского в 1998 в Омске вышла вторая посмертная книга К. «**Скелет звезды**», куда вошли частично стихи, поэмы, проза, а также рисунки К. В 2000 в Красноярске вышла книга стих. К. в серии «**Поэты свинцового века**» под редакцией Р. Солнцева.

Соч.: Провинциальная пристань. Омск, 1990; Скелеты звезды: Стихи. Поэмы. Проза. Иллюстрации автора. Омск, 1998; Стихи. Красноярск, 2000.

Лит.: Великосельский Г. Оpoznан, но не востребован... // Кутилов А. П. Скелеты звезды. Омск, 1998. С. 3–18; Пуханов В. Аркадий Кутилов сквозь призму театра // Омская газ. 2003. 15 июля. С. 3–4; Дерюшев А. Памяти А. Кутилова // Омская газ. 2003. 9 апр. С. 6–7; Стал город Омск — сплошная рана // Лит. Россия. 2003. 17 февр. С. 9.

А. О. Саар

КУШНЕР Александр Семенович [14.9.1936, Ленинград] — поэт, переводчик, эссеист.